

DOI: 10.15393/j9.art.2013.391

Николай Иванович Соболев

*кандидат филологических наук,
ст. преподаватель кафедры русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*
sobnick@yandex.ru

ПРЕДАНИЕ, СКАЗАНИЕ И РАССКАЗ В ЖАНРОВОЙ СТРУКТУРЕ ПОВЕСТИ И. С. ШМЕЛЕВА «НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»: К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЧНИКОВ*

Аннотация: Статья посвящена исследованию одного из центральных эпизодов повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша», источником которого послужило Предание, впервые письменно зафиксированное свящ. Иаковом Бриллиантовым в «Сказании о Чудотворной иконѣ Матери Божией "Неупиваемая Чаша"». В статье выдвигается гипотеза, в соответствии с которой автор по памяти воспроизвел вариант или редакцию Предания, продолжительное время бытовавшую устно. Сопоставление повести и Предания показывает совпадения и различия текстов, на материале которых осуществляется исследование лингвопоэтики повести и идиостиля автора. И. С. Шмелев использует Предание как источник благочестивой истории: он связывает его с основным текстом на всех повествовательных уровнях, в то же время оставляя в тексте-реципиенте только функциональные элементы. Творческое редактирование подобного рода можно назвать манерой концентрированного изложения. Изучение источников повести «Неупиваемая Чаша» позволяет также сделать выводы относительно поэтики хронотопа произведения и образов главных героев.

Ключевые слова: предание, сказание, повесть, источник, цитата, идиостиль, лингвопоэтика

Вопрос источников повести «Неупиваемая Чаша» И. С. Шмелева остается одним из малоизученных. Возможно, причиной тому стало указание автора на то, что во время работы над повестью у него был только Новый Завет [18, 3], к тому же творческий процесс Шмелева не предполагал глубоких подготовительных штудий.

В письме от 14 марта 1937 года к И. А. Ильину он следующим образом описал работу над текстами своих произведений:

Все мои книги явились вне *обдумывания*, а вскипали от неведом<ых> мне опар, совс<ем> для меня неожиданно и непоследовательно. Часто я *за минуту не знаю*, что напишу, как и почему

напишу **так**, как потом явится. Так вышло с главными моими — из туманной дымки, из ощущения, из дрожи, из вспышки где-то между сердцем и... душой... но никогда не из сознательности, сознанныости [5, 176].

В другом письме от 27 марта 1946 года:

...и *так* пришлось бродить и — без плана — потянуть за собой читателя. Я — всегда! — все писал *без плана*, без обдумывания: как попавший в незнакомое место; пустое место... — идет наугад, отыскивая<ая> дорогу. В процессе этого пути начиналось у меня всегда — прояснение, и я начинал *видеть*, около чего брожу. Так именно явилась и «Чаша», и «Чел<овек> из рест<орана>», и «Няня» (одним духом вывалило все!), и — «Богомолье», и «Пеньки»... — ну, решит<ельно> все. Никогда не было *воли*, *терпенья*: наметить (цель, предмет), на чем-то утвердиться, а... «при-дет само!» — такая вера, предчувствие [5, 320].

Творческая импровизация и интуитивное субъективное осмысление окружающего мира — эти ключевые принципы творческого метода Шмелева, казалось бы, не оставляют места авторскому намерению создавать цитатные включения. Несмотря на это, исследователи обнаруживают в тексте повести цитацию¹ разных уровней. Л. А. Иезуитова, анализируя семантику Чаши, указала на евангельскую аллюзию молитвы о Чаше (Лк. 22:47–48; Мф. 26:39; Мк. 14:36), сопоставила рассказ о явлении иконы Неупиваемая Чаша с текстом предания о прославлении, бытующим в современных изданиях [4], Н. Н. Старыгина обратила внимание на топысы усадебного быта XIX в. в повести, на параллель с «Дворянским гнездом», «Обрывом», скрытую цитату из А. К. Толстого «Помнишь ли, Мария...», «Шумит на дворе непогода...» [16]. В. И. Мельник указала на возможную аллюзию в тексте повести из публицистики Ф. М. Достоевского [9]. По мнению Т. А. Таянова, в тексте повести находятся скрытые библейские цитаты (Числ. 22:41, Втор. 4:19, 2 Кор. 12:2), а также аллюзия видения Тихона Задонского [17]. Д. В. Макаров находит в тексте повести идейные и текстуальные переключки с переложением 143 псалма М. В. Ломоносовым [8]. И. Г. Минералова и Ю. У. Каскина (независимо друг от друга и от Л. А. Иезуитовой) ссылаются на предание

о прославлении иконы Неупиваемая Чаша как источник повести [10], [6]; кроме этого, И. Г. Минералова указывает на музыкально-поэтическую ассоциацию пушкинской «Русалки» и парафраз из стихотворения «Я помню чудное мгновение...». В работе Л. М. Борисовой и Я. О. Дзыги повесть сопоставляется с поэмой В. Соловьева «Три свиданья» [2, 14]. С. М. Склемина выявляет аллюзии на псалмы 21, 42, 24, 24, 85, 104 и влияние жанра экфрасиса [12, 3–5]. Н. И. Соболев указывает на сюжетные параллели Повести и рассказа о Иосифе Прекрасном, а также видения пророка Иезекииля [14]. Общим местом многих исследований является указание на влияние акафистной и житийной традиций ([3], [4], [8], [10], [14], [15] и др.).

Присутствие в тексте повести соответствующих источников обосновывается с разной степенью убедительности: если влияние текстов русской литературы — в том числе и в жанре экфрасиса — предание о явлении иконы Неупиваемая Чаша можно с большой степенью достоверности отнести к источникам повести, что подтверждается совпадением образов, мотивов, сюжетной линии соответствующих эпизодов источников и повести, то указание на 21, 24, 42, 85, 104 псалмы, книги Числа, Второзаконие, Послания, Житие Тихона Задонского в значительной степени условно, названные авторами статей параллели имеют субъективно ассоциативный характер и текстуально не подтверждаются. Последнее суждение относится и к ломоносовскому переложению 143 псалма. Между тем в тексте повести присутствует прямое цитирование 138 и 141 псалмов, Евангелия от Луки (Лк. 24:36), оставшееся в научной критике непрокомментированным, вне научного осмысления осталось и «псалтырное сознание» главных героев, которое в повести определяет их духовно-душевный облик, а также в целом церковно-богослужебный фон, выполняющий важную сюжетообразующую функцию.

Итак, более последовательно и продуктивно исследовано влияние на повесть, оказанное литературными произведениями XIX в., которое рассматривается исследователями в контексте дворянской усадебной культуры, иконописной традиции

и философии В. Соловьева; недостаточно изученными остаются древнерусские источники, очевидно, что тексты Стоглава и иконописных подлинников могли быть ими, до конца не выявлен объем влияния житийного жанра на повесть, в частности, требуют конкретизации житийные черты в религиозном облике главного героя. Остается непроясненным вопрос использования одного из основных источников повести — текста сказания о прославлении иконы Неупиваемая Чаша: важно сравнить текст повести с первоисточником предания начала XX в. Совершенно неисследованными остаются фольклорные источники повести.

Настоящая статья посвящена анализу одного из ключевых эпизодов повести, рассказу о прославлении иконы Неупиваемая Чаша (далее Рассказ), который восходит к преданию (далее Предание), впервые письменно зафиксированному о. Иаковом Бриллиантовым в «Сказании о Чудотворной иконѣ Матери Божіей "Неупиваемая Чаша"» (далее Сказание)².

В научной литературе, посвященной анализу поэтики повести, существует несколько независимых указаний на данную параллель. Л. А. Иезуитова, сравнивая Рассказ и Сказание (текст Сказания цитируется по унифицированному изданию 1992 г.), замечает, что «Шмелев излагает ту же историю конкретнее, точнее, поэтичнее, образнее и ... "святей"» [4, 62].

И. Г. Минералова обращает внимание на «деформацию исторического времени» [10, 3] в повести (икона прославлена в 1878 г., а действие произведения разворачивается в середине 1850-х годов), а также на совпадение образа солдата в повести и в Предании (источник последнего не называется), что, по её мнению, является частью авторского замысла. Автор изменяет источник, «снимая то, что имело бы в художественном отношении нежелательный социальный оттенок. Солдат, герой Крымской войны, бесславной для России и продемонстрировавшей удивительную стойкость духа и самоотверженность защитника Отечества, предстает как тот, кто может быть и должен быть спасен покровительством Богородицы Владычицы» [10, 3]. В целом согласимся с выводами И. Г. Минераловой: действительно в Рассказе автор сделал акцент на образе русского воина, хотя художественные средства,

использованные для этого, не сводились автором исключительно к композиционным. Писатель использовал все многообразие лингвопоэтических приемов, придавая тексту Рассказа авторское звучание. В связи с чем встает вопрос о том, какой текст использовал И. С. Шмелев в качестве источника Рассказа. На наш взгляд, это вариант или редакция Предания, продолжительное время бытовавшая устно. Подробнее эти аспекты творческой истории и поэтики анализируются ниже.

Ю. У. Каскина в своей статье приводит пространный отрывок из Сказания (цитируемый по унифицированному изданию 2000 г.), используя его для включения повести в литературно-исторический контекст [6, 36]. С. М. Склемина также указывает на нарушение автором «фактического времени прославления иконы» [13, 102] (в качестве источника Сказания использовано унифицированное издание 2002 г.), автор статьи полагает, что в творческий замысел Шмелева входило связать время прославления иконы с датой смерти главного героя — 1855 год.

В научной литературе получили освещение лишь самые общие вопросы, связанные с использованием Сказания в качестве источника Рассказа — это соотношение исторического и художественного времени, образ солдата, поверхностные замечания относительно характера переработки Шмелевым Предания. Вне внимания исследователей остались вопросы источника Рассказа, особенности адаптации текста Предания в повесть, идиостиль Рассказа, жанровое своеобразие Рассказа и Сказания, восстановление художественного времени повести, целостный образно-мотивный анализ Рассказа.

Икона Неупиваемая Чаша была прославлена в 1878 году, между тем Предание было зафиксировано письменно только в 1912 году иереем Иаковом Бриллиантовым. Отец Иаков, предвзято рассказывая о прославлении иконы, сообщает важные сведения об информанте и о времени письменной фиксации текста:

Сказание это по справедливости принадлежит всему Владычному монастырю, потому что прошло 35 лѣтъ тому назадъ и у *многихъ еще въ памяти*. Но болѣе оно всетаки есть сказание монахини Елизаветы (1910 †), потому что она была церковницей при томъ храмѣ, гдѣ обрѣтена была Чудотворная икона «Неупиваемая

Чаша» и въ то самое время. Къ тому же монахиня эта имѣла чрезвычайную твердую память, и время, казалось, бессильнымъ похитить какую-либо подробность въ томъ, что она знала (2)³.

То есть Предание 35 лет бытовало в устной форме и за это время могло обрасти вариантами и редакциями. Из переписки И. С. Шмелева с О. А. Бредиус-Субботиной известно, что лето 1901 года Шмелевы проводили «под Серпуховом, у монастыря, в бору»⁴ (333), возможно, именно здесь писатель познакомился с незафиксированным еще письменно текстом о прославлении иконы. Этим объясняются лишь общие совпадения Рассказа со Сказанием монахини Елизаветы, записанным о. Иаковом. Для выявления степени творческого редактирования текста Предания, известного Шмелеву, необходимо сравнивать этот текст с Рассказом, но это невозможно. С другой стороны, детальное сопоставление Сказания и Рассказа при понимании существования протографа также может быть продуктивным, показав жанровые, языковые, поэтические отличия текстов, имеющие в повести индивидуально-авторский характер. Кроме этого, выявив пересечения и расхождения текстов на всех повествовательных уровнях, можно определить вектор авторского осмысления художественных образов в Рассказе.

Сопоставим Сказание и Рассказ⁵.

Сказание	Рассказ
Образ главного героя	
... одинъ крестьянинъ Тульской губ. Ефремовскаго уѣзда, отставной Николаевскій солдатъ съ пенсіей, имѣлъ слабость къ вину. (2)	... шель на свои мѣста отставной служивый бомбардиръ, человекъ убогій, по имени Мартынъ Кораблевъ, тащился на костыляхъ послѣ севастопольской кампаніи... (143)
Мотив болезни	
Онъ пропивалъ все въ домѣ. Но при этомъ онъ не переставалъ пить. Въ довершеніе бедственности у него отнялись ноги. (2)	...пухли и отнимались у него ноги. (143)

Мотив сна

...онъ видитъ однажды сонъ: приходитъ къ нему старичекъ благообразнаго вида и говоритъ ему: «иди въ г. Серпуховъ, во Владычный монастырь, тамъ въ Георгіевскомъ храмѣ есть икона Божіей Матери «Неупиваемая Чаша», отслужи передъ ней молебенъ и будешь здоровъ душой и тѣломъ». (3)

...явилась ему, какъ наяву будто, дивная та икона Пречистой Богоматери съ Золотой Чашей и сказала: «Пей изъ моей Чаши, Мартынъ Убогій, и исцѣлишься». (143)

Мотив молитвы

Во Владычномъ монастырѣ онъ повѣдалъ о своихъ дивныхъ сновидѣніяхъ послушницъ Захаріи (впослѣдствіи монахиня Елизавета), церковницъ при храмѣ Великомученика Георгія, и настойчиво просилъ, чтобы отслуженъ былъ молебенъ Матери Божіей предъ Ея иконой «Неупиваемая Чаша». (3)

Тогда неотступно и со слезами сталъ убогій Мартынъ просить, чтобы отслужили передъ Неупиваемой Чашей молебенъ съ водосвятиемъ. Просьба его съ радостью была исполнена, и въ трапезной палатѣ совершенно было торжественное моленіе съ водосвятиемъ. Со слезами молился весь монастырь, прося чудеснаго оказанія, освятили воду... (143)

Мотив исцеления, образы крестьянок

На одной изъ таковыхъ остановокъ старушка крестьянка приняла его на ночлегъ, напоила, накормила и, въ облегченіе болѣзненности ногъ, растерла ихъ, и уложила больного и усталаго путника на печь. И вотъ что тогда случилось: проснувшись, путникъ почувствовалъ пріятное ощущение въ ногахъ, и тутъ же, съ большою осторожностію спуская ихъ съ печи, пробуетъ встать на ноги. Хотя и очень слабо, но онъ можетъ стоять на ногахъ! (3)

До Михайловскаго, братцы, едва доползъ... ноги стало ломать, мочи нѣтъ! Приняли на ночлегъ меня, помогли въ избу влѣзть... Положили меня бабы на печь и по моей просьбѣ стали мнѣ растирать ноги святой водой отъ Неупиваемой Чаши. А меня и силъ не стало, будто ноги мнѣ рѣжутъ! И сталъ я совсѣмъ безъ памяти, какъ обмеръ. И вотъ братцы... даю крестное цѣлованіе... пусть меня сейчасъ Богъ убьетъ!... слышу я сладкій голосъ: «Мартынъ Убогій!» И увидаль я Радостную, съ золотой Чашей... съ невиданными глазами, какъ свѣтъ живой... «Встань, Мартынъ Убогій, и ходи! и радуйся!» Очнулся я, братцы, ночь темная, не видать въ избѣ... Спать полегли всѣ. Чую — не болятъ ноги! Тронулъ... Господи! Да гдѣ-жъ бревна-то мои каторжныя?! Самъ съ печи слѣзъ, стою — не болятъ ноги, не слыхатъ ихъ вовсе! (144)

Мотив узнавания

Послѣднимъ онъ вводилъ всѣхъ въ большое затрудненіе, потому-что въ монастырѣ никто не зналъ иконы Божіей Матери съ такимъ наименованіемъ. Тогда явилась мысль: ужь не та ли эта икона, которая виситъ въ проходѣ изъ Георгіевскаго храма на колокольню или въ ризницу, рядомъ с иконой Божіей Матери, «Калужской», по лѣвую ея сторону: на ней есть изображеніе чаши? И каково же было удивленіе всѣхъ, когда на обратной сторонѣ этой иконы дѣйствительно, усмотрѣли подпись: «Неупиваемая Чаша». (3)

Пришелъ убогій Мартынъ въ трапезную палату и увидалъ ту икону, радостную Неупиваемую Чашу. (144)

Мотив испытания чудом

Но крестьянинъ, не смотря на то, что сонъ, видимо, былъ необыкновенный, не пошелъ въ Серпуховъ, потому что не зналъ, какъ добраться туда безъ ногъ и безъ гроша денегъ. (2)

...взялъ болящій Мартынъ той воды въ склянку и растиралъ ноги. Но не даровала ему Пречистая исцѣленія.

Втайнѣ скорбѣли сестры, и поселялось въ душахъ ихъ искушеніе и соблазнъ. Съ великой печалью оставилъ Высоко-Владычній монастырь Мартынъ убогій. (144)

Мотив народного поклонения

Вѣсть о чудномъ явленіи иконы Божіей Матери «Неупиваемая Чаша» быстро распространилась по г. Серпухову, и затѣмъ по ближнимъ и дальнимъ весямъ Серпуховскаго уѣзда и далеко за его предѣлами. Стали приходять и пріѣзжать одержимые пьянственною страстію, чтобы помолиться Матери Божіей предъ Ея новоявленной иконою. (3)

Возликовала Высоко-Владычня обитель, и пошла молва по всей округѣ, и стали неистощимо притекать къ Неупиваемой Чашѣ, многое множество: въ болѣзняхъ и скорбяхъ, въ уныніи и печали, въ обидахъ ищущіе утѣшенія. И многіе обрѣтали его. <...> Годъ отъ году притекалъ къ Неупиваемой Чашѣ народъ, — годъ отъ году больше. Стала округа почитать ту икону и за избавленіе отъ пьянаго недуга, стала считать своей и наименовала по своему — «Упиваемая Чаша». (145)

На лексическом уровне текст Рассказа отличается обилием атрибутов признаков предметов и действий (человѣкъ (Мартынъ) *убогій*; *съ радостью* была исполнена; *торжественное* моление; *дивная* та икона *Пречистой* Богоматери; *съ великой* печалью), гипонимизированными перифразами (*отставной служивый бомбардиръ*; *сталъ я совсѣмъ безъ памяти, какъ обмеръ*), экспрессивно маркированными просторечными глаголами (*тащился* на костыляхъ; спать *полегли*), тавтологическими словосочетаниями, свойственными языку фольклора (*многое множество*), окказиональными тропами (*будто* ноги мнѣ *рѣжутъ*; ноги стало *ломать*; *гдѣ-жѣ бревна-то* мои *каторжныя*; не болятъ ноги, не *слыхать ихъ* *вовсе!*). Указанные лексические особенности детализируют повествование, придают образам героев художественную достоверность, повествование в целом становится более образительным и выразительным. Лексическое своеобразие Рассказа поддержано и на синтаксическом уровне, изобилующем парцеллированными конструкциями (*едва доползь... ноги стало ломать*; *чую — не болятъ ноги*). Эмфазы в парцелляциях придают речи героев спонтанность, естественность звучания, создают ощущение здесь и сейчас становящейся действительности. Закономерно, что и в грамматике эта идея также нашла отражение, в частности, в использовании аллеотета «настоящее повествование»: для изображения давно прошедших событий используются грамматические формы настоящего времени. Наряду с указанными просторечными и фольклорными языковыми единицами повествование содержит фигуры речи, создающие высокий летописный стиль: анафоры (*съ* золотой Чашей... *съ* невиданными глазами; *въ* болѣзняхъ и скорбяхъ, *въ* уныніи и печали, *въ* обидахъ ищущіе утѣшенія.), инверсии (*и увидалъ я* Радостную; *Мартынъ Убогій*), многосоюзия (*Мартынъ Убогій, и ходи! и радуйся*»; *И сталъ я совсѣмъ безъ памяти, какъ обмеръ. И вотъ братцы... даю крестное цѣлованіе... <...> И увидалъ я Радостную; и пошла молва по всей округѣ, и стали неистошимо притекать къ Неупиваемой Чашѣ*), синтаксический параллелизм (*Приняли на ночлегъ меня, помогли въ избу влѣзть...*). Итак, если Сказание написано эмоционально

нейтральным летописным слогом, обращенным в прошлое, то рассказ из повести обладает всеми особенностями индивидуально-авторского речевого строя, описанного в языковой категории настоящего времени. Шмелев использует эклектичный языковой стиль, где летописный слог соседствует с просторечным и фольклорным.

Основной образно-мотивный ряд, а также повествовательная канва Сказания и Рассказа имеют ряд прямых совпадений, что говорит о близости текста Сказания и протографа Рассказа (с вариантом или редакцией Предания был знаком Шмелев, удастся решить на основании выводов сопоставительного анализа образно-мотивного уровня и фабулы). Очевидно, Шмелев стремился сохранить в своем тексте узнаваемые элементы первоисточника, введя в него творческие изменения, соответствующие общему авторскому замыслу.

Среди предполагаемых изменений Предания наиболее значимым является исключение из повествования образа преп. строителя Варлаама — это разночтение имеет очевидное авторское происхождение, Шмелев сосредотачивает повествование на образе Богородицы, встраивая Рассказ в общую Богородичную канву повести.

Другим важным отличием является отсутствие в Рассказе региональной коннотации в мотиве о чуде — чудо от иконы Неупиваемая Чаша сразу же осознается повествователем как общенародное, эта идея выражена в картине народного поклонения образу Богородицы во время крестного хода, изображенного автором в заключительных сценах повести. В Сказании известие о чуде от иконы сначала распространяется

...по г. Серпухову, и затѣмъ по ближнимъ и дальнимъ всеямъ Серпуховскаго уѣзда и далеко за его предѣлами (3).

Таким образом, в Сказании икона Неупиваемая Чаша представляется как местночтимая святыня, известная далеко за пределами Серпухова.

Наконец, авторская правка коснулась образа николаевского солдата, которому Шмелев придает яркую индивидуальность. В Рассказе солдат обретает имя Мартын. Имя восходит к римскому *Martinus*, то есть «принадлежащий Марсу»,

в православной традиции оно переосмыслено и часто переводится как «воинственный». В образ главного героя Рассказа автор вложил, так сказать, двойное именование: он воин, выполнивший свой долг, сохранивший честь воина, — и воин по духовному призванию, означенному в имени. Духовное призвание Мартына — переносить страдания и верить. В Рассказе эта идея выражена когноменом *Убогий*, устойчиво сопровождающим собственное имя. «Мартынь Убогий» (144) — обращается в тонком сне к герою Рассказа Богородица (заглавная буква в слове *Убогий* указывает на субстантивацию прилагательного, трансформированного в родовую часть имени собственного); «убогий Мартынь» (143) именуется героем повествователь, в некоторых случаях повествователь изменяет определение «убогий» на «болящий», что позволяет определять значение этого когномена в авторских коннотациях: убогий значит болящий, шире, страдающий. Последнее значение, в свою очередь, коррелирует с внутренней формой слова «у-Бога». В этих коннотациях раскрывается авторский замысел образа Мартына. Испытания и страдания героя — от Бога, они провиденциально даны ему для стяжания благодати и ниспослания через него чуда. Мартын уподобляется «доброму воину Иисуса Христа» (2 Тим. 2:3).

Ономастический контекст позволяет раскрыть и другие смысловые связи образа Мартына и христианской традиции. Небесный покровитель Мартына — Мартин Исповедник, епископ Римский, претерпел многочисленные гонения за исповедание православной веры перед императором-монофилитом Констой. По приказу императора св. Мартин был послан в Крым на каторжные работы в Инкерманские каменоломни, где мучимый голодом, в страданиях он прожил два года. В 655 году св. Мартин умер и был погребен во Влахернской церкви, в Херсонесе (ныне Севастополь). Позднее св. Мартин был причислен к лику исповедников, его мощи были перенесены сначала в Константинополь и затем в Рим, в храм св. Мартина Турского. Итак, место воинского подвига главного героя Рассказа соотнесено с местом прославления его небесного покровителя. Осмысление этого факта в идейном плане позволяет говорить о том, что истоки

воинского подвига главного героя автор видел в духовной жизни, в нестигаемой вере в промысел Божий, вере, которая, закаляясь в горниле сомнения, просияла чудом исцеления. Вполне закономерно, что Шмелев очистил высокий образ севастопольского солдата от деталей, мешающих изначально положительному восприятию Мартына-воина.

Вера Мартына в повести сродни вере Ильи, оба героя прошли в своей духовной жизни путем страданий и искушений, оба сподобились чуда. Корреляция этих образов, очевидно, является также авторской установкой, которая определила некоторые формы лингвопоэтического включения Предания в повесть: восприятие образа Богородицы Мартыном рифмуется с мировосприятием Ильи Шаронова, выраженным повествователем:

Мартын Кораблев

...слышу я сладкій голосъ: «Мартынъ Убогій!» И увидалъ я Радостную, съ золотой Чашей... съ невиданными глазами, какъ свѣтъ живой... (144)

Илья Шаронов

Увидѣлъ всю нѣжную красоту ея — радостные глаза-звѣзды, несбыточные, которыхъ ни у кого нѣтъ... (123)
...глаза, льющіе радостное, казалось ему, сіяніе. (124)
И она мѣнялась, и свѣтились несбыточные глаза — два солнца. (127)

Автор использует Предание, прежде всего, как источник благочестивой истории: он связывает его с основным текстом на всех повествовательных уровнях, в то же время оставляя в тексте-реципиенте только функциональные элементы. Творческое редактирование подобного рода можно назвать *манерой концентрированного изложения* (курсив. — Н. С.). И. С. Шмелев в письме к О. А. Бредиус-Субботиной, наставляя адресата в литературном творчестве, выразил эту идею очень простой, но емкой формулой: «Ничего лишнего, что не идет к сути» (237).

Таким образом, Шмелев создает Рассказ, безусловно, авторский по идиостилю и поэтике, но в котором угадывается текст источника, жанр которого — церковное предание — ориентирован на достоверность. Как кажется, именно достоверность, детерминированность художественного

произведения реальным событием Шмелев-бытовик, писатель-реалист положил в качестве одного из краеугольных элементов поэтики повести. На композиционном уровне и в хронотопе произведения эта идея также последовательно реализована.

Повесть имеет ретроспективную кольцевую временную структуру. Жизнеописание Ильи Шаронова и Рассказ, составляющие основу повествования, обрамлены эпизодами о посещении дачниками Ляпуновки (в начале повести) и монастыря (в конце). Эпизоды связаны между собой художественным временем, образами дачников, образом повествователя. В какой-то момент повествователь сливается с дачниками. Глазами последних читатель видит разворачивающееся действие народного поклонения иконе Неупиваемая Чаша. Дачники видят икону, уже хорошо известную и почитаемую, больше того, они свидетельствуют традицию поклонения, а значит события, открывающие повесть, по крайней мере, на несколько десятилетий удалены от времени начала прославления иконы. Анализ художественных деталей (упоминания о прокатившейся по Ляпуновке смуте, в которых угадываются события 1905 году, выразительные подробности разрушающейся усадьбы, реплики посетителей усадьбы, навеянные литературной традицией нач. XX века — «радостная королева-дѣвочка», «вторая неразгаданная Монна Лиза» (90)) показывает, что отсчет временной ретроспективы в повести необходимо вести от начала XX века. Далее в повести следует беллетризованное жизнеописание Ильи Шаронова и рассказ о прославлении иконы, отнесенные, согласно «Выписи изъ рода Вышатовыхъ» (91) и свидетельству повествователя («По малу времени отъ сего» (143)), к середине XIX века, заканчивается повесть картиной народного поклонения Богородице, на которое со стороны взирают дачники, уже знакомые читателю по первым страницам повести.

В повести возникают два хронотопа: настоящее, хорошо узнаваемое читателем начала XX века, и прошлое, отнесенное назад на 50 лет. Композиционная антитеза подчеркивает противопоставление портрета Анастасии, символизирующего суетность земной жизни, которая в представлении Шмелева,

очевидно, связывается с кругом пустых людей, пришедших посмотреть на разрушающуюся усадьбу, на портрет, засвидетельствовавший романтическую историю Анастасии Вышатовой, и иконы «Неупиваемая Чаша», символизирующей народную христианскую стихию, полную жизни. Смысл такого композиционного построения — выразить идею абсурдности жизни вне народа, вне христианской традиции.

Примечания

- * Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.
- ¹ Термин «цитата» в работе рассматривается в широком понимании: к цитате мы относим включения в художественное произведение как текста, буквально воспроизводящего чужие слова, так и любые включения разных уровней чужого текста. Эта традиция заложена М. М. Бахтиным и в дальнейшем была развита в теории интертекста, семиотики, тезаурусного метода.
- ² Впервые данный источник описан в работе Н. И. Соболева [13]. В работе используются три коррелирующих лексемы: Предание, Сказание, Рассказ. Под Преданием понимается народно-церковное произведение, посвященное прославлению иконы «Неупиваемая Чаша», бытовавшее в устной традиции, лексема восходит к соответствующему термину, понимаемому следующим образом: произведение, «содержащее сведения о различных лицах и событиях прошлого. Возникнув из рассказов очевидцев, П. при передаче удаляется от фактич. первоосновы, подвергаясь вольной поэтич. интерпретации, сближаясь со сказкой и легендой, хотя вымысел в П. отличен от сказочной фантастики и легендарных чудес» [1]. От себя добавим, что предание всегда ориентировано на достоверность. Именно эта особенность является наиболее функциональной в церковных преданиях. Сказанием именуется текст предания, письменно зафиксированный иер. Иаковом Бриллиантовым, по первому слову в авторском названии; Рассказом именуется эпизод из повести «Неупиваемая Чаша», говорящий о прославлении иконы. В соответствии с предположенной гипотезой, в основе Сказания и Рассказа лежат разные варианты Предания.
- ³ Текст Предания цитируется по изданию: Бриллиантовъ Іаковъ, свящ. Сказаніе о Чудотворной иконѣ Матери Божіей «Неупиваемая Чаша» // Приложение къ Еженедѣльному религиозно-назида-

тельному Воскресному Листку. Серпуховъ, Апрѣля 2. 1912. С. 1—4. Номер страницы указывается в скобках после цитаты.

- ⁴ И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: В 2 т. Т. 1—2; Т. 3 (доп.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2003–2005. Т. 1. С. 333.
- ⁵ Текст повести «Неупиваемая Чаша» цитируется по изданию: Шмелев И. С. Неупиваемая Чаша // Литературный сборник Отчизна. Симферополь: Рус. книгоизд-во в Крыму, 1919. С. 89—147. Номера страниц указываются в скобках после цитаты.

Список литературы

1. *Аникин В. П.* Предание // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
2. *Борисова Л. М., Дзыга Я. О.* Продолжение «золотого века»: «Пути Небесные» И. С. Шмелева и традиции русского романа. Симферополь: Изд-во ТНУ им. В. И. Вернадского, 2000. 144 с.
3. *Желтова Н. Ю.* Наша красота не красота, как Бог, а Бог как красота: поэтика «радостной святости» в «Неупиваемой Чаше» И. С. Шмелева // Русская словесность. 2004. № 8. С. 18—25.
4. *Иезуитова Л. А.* Семантика «чаши» в русской прозе начала XX века: Борис Зайцев. Иван Бунин. Леонид Андреев. Иван Шмелев // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб.: Петрополис, 1995. С. 57—62.
5. *Ильин И. А.* Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935—1946). М.: Русская книга, 2000. 576 с.
6. *Каскина Ю. У.* «Неупиваемая Чаша» Ивана Шмелева и традиции русской литературы // И. С. Шмелев и литературный процесс XX—XXI вв.: итоги, проблемы, перспективы: X Крымские междунар. Шмелевские чтения. М., 2004. С. 35—40.
7. *Лепяхин В. В.* Икона в русской художественной литературе: Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М.: Отчий дом, 2002. 735 с.
8. *Макаров Д. В.* Радостность как одна из основ мировосприятия героев И. С. Шмелева // Вопросы филологии: Литературоведение. Языкознание. Ульяновск, 2002. С. 36—43.
9. *Мельник В. И.* Радость: христианское понятие и художественный мотив: «Неупиваемая Чаша» И. Шмелева // Литература и культура в контексте христианства. Ульяновск, 2002. С. 82—84.
10. *Минералова И. Г.* «Неупиваемая чаша» И. С. Шмелева: стиль и внутренняя форма // Литература в школе. 2003. № 2. С. 2—8.

11. *Осьминина Е. А.* Письма И. С. Шмелева к А. Б. Дерману (1917—1919). К истории литературы Белого Крыма // И. С. Шмелев и русская литература XX века: III Крымские Шмелевские чтения. Алушта, 1994. С. 24—25.
12. *Склемина С. М.* «Неупиваемая Чаша» И. С. Шмелёва: поэтика жанра и традиции русской классики XIX века: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2007. 20 с.
13. *Склемина С. М.* «Неупиваемая Чаша» И. С. Шмелева: поэтика жанра и традиции русской классики XIX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 154 с.
14. *Соболев Н. И.* Тема творчества в повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4. С. 596—604.
15. *Соболев Н. И.* Повесть И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша»: творческая история, поэтика, текст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 304 с.
16. *Старыгина Н. Н.* Природное и социальное в структуре усадебного мира: (Тургенев — А. К. Толстой — Шмелев) // Природа и человек в художественной литературе. Волгоград, 2001. С. 261—266.
17. *Таянова Т. А.* Мотивы зрения, видения в пространственной модели поздних произведений И. С. Шмелева // Пространство и время в художественном произведении. Оренбург, 2002. С. 93—98.
18. *Shmelev I.* *Inexhaustible Cup.* London, Toronto, New York: E. P. Dutton & Co, 1928. 147 p.

Nikolay Ivanovich Sobolev

*Ph.D. in Philology, Senior Lecturer of the Department of
Russian Literature and Journalism,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
sobnick@yandex.ru*

LEGEND, STORY AND NARRATION IN THE GENRE STRUCTURE OF IVAN SHMELEV'S SHORT NOVEL *INEXHAUSTIBLE CUP*: THE PROBLEM OF SOURCES

Abstract: The article is devoted to one of the central episodes of Ivan Shmelev's short novel *The Inexhaustible Chalice (Inexhaustible Cup, or Non-intoxicating Chalice)*. The source of this episode was a legend, recorded by a priest Yakov Brilliantov. In 1912, he published the text of the legend calling it

a *Story of the Miraculous Icon of the Mother of God Called the "Inexhaustible Chalice"*. The legend existed in the folk tradition for a long time. The paper presents a hypothesis that Ivan Shmelev reproduced an oral version or edition of the legend in his short novel. Comparison of Shmelev's novel and the old legend reveals similarities and discrepancies of texts, analysis of which can serve as the basis for important observations on lingvopoetics of the short novel and the author's style. Ivan Shmelev uses the legend as a source of pious history: he connects it with his main text at all narrative levels, while leaving only functional elements in the recipient text. This type of creative editing can be defined as a form of a condensed narrative. Moreover, analysis of sources leads to a conclusion about the poetics of the chronotope and the main characters of the tales.

Keywords: a legend, a story, tale, source, citation, author's style, linguopoetics

References

1. Anikin V. P. Predanie [Legend]. *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar' [Dictionary of Literature]*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987. 752 p.
2. Borisova L. M., Dzyga Ya. O. *Prodolzhenie «zlotogo veka»: «Puti Nebesnye» I. S. Shmeleva i traditsii russkogo romana [Continuation of the Golden Age: Ivan Shmelev's "Heavenly Ways" and Traditions of the Russian Novel]*. Simferopol', Taurida National University named after V. I. Vernadsky Publ., 2000. 144 p.
3. Zheltova N. Yu. *Nasha krasota ne krasota, kak Bog, a Bog kak krasota: poetika "radostnoy svyatosti" v "Neupivaemoy Chashe" I. S. Shmeleva [Our Beauty is not the Beauty as God, but God as Beauty: The Poetics of "Joyful Holiness" in Ivan Shmelev's "The Inexhaustible Cup"]*. *Russkaya slovesnost'*, 2004, no. 8, pp. 18–25.
4. Iezuitova L. A. *Semantika «chashi» v russkoy proze nachala XX veka: Boris Zaytsev. Ivan Bunin. Leonid Andreev. Ivan Shmelev [The Semantics of the "Cup" in the Russian Prose of the Early 20th Century: Boris Zaytsev. Ivan Bunin. Leonid Andreev. Ivan Shmelev]*. *Bibliya i vozrozhdenie dukhovnoy kul'tury russkogo i drugikh slavyanskikh narodov [The Bible and the Renaissance of the Spiritual Culture of the Russian and Other Slavic Peoples]*. Saint-Petersburg, Petropolis Publ., 1995, pp. 57–62.
5. Il'in I. A. *Sobranie sochineniy: Perepiska dvukh Ivanov (1935–1946) [Collected Works: Correspondence of Two Ivans (1935–1946)]*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2000. 576 p.
6. Kaskina Yu. U. «Neupivaemaya Chasha» Ivana Shmeleva i traditsii russkoy literatury [Ivan Shmelev's "The Inexhaustible Cup" and Traditions of Russian Literature]. *I. S. Shmelev i literaturnyy protsess XX–XXI vekov:*

- itogi, problemy, perspektivy* [Ivan Shmelev and Literature of the 20th–21th Centuries: Results, Problems, Prospects]. Moscow, 2004, pp. 35–40.
7. Lepakhin V. V. *Ikona v russkoy khudozhestvennoy literature: Ikona i ikonopochitanie, ikonopis' i ikonopistsy* [Icon in the Russian Literature. Icon and the Veneration of Icon, Icon Painting and Icon Painters]. Moscow, Otchiy dom Publ., 2002. 735 p.
 8. Makarov D. V. Radostnost' kak odna iz osnov mirovospriyatiya geroev I. S. Shmeleva [Joyousness as one of the Foundations of Ivan Shmelev's characters' World Perception]. *Voprosy filologii: Literaturovedenie. Yazykoznanie* [Questions of Philology. Linguistics]. Ul'yanovsk, 2002, pp. 36–43.
 9. Mel'nik V. I. Radost': khristianskoe ponyatie i khudozhestvennyy motiv: «Neupivaemaya Chasha» I. Shmeleva [Joy: Christian Idea and Artistic Motif: Ivan Shmelev's "The Inexhaustible Cup"]. *Literatura i kul'tura v kontekste khristianstva* [Literature and Culture in the Context of Christianity]. Ul'yanovsk, 2002, pp. 82–84.
 10. Mineralova I. G. «Neupivaemaya chasha» I. S. Shmeleva: stil' i vnutrennyaya forma [Ivan Shmelev's "The Inexhaustible Cup": Style and Internal Form]. *Literatura v shkole* [Literature in School]. Moscow, 2003, no. 2, pp. 2–8.
 11. Os'minina E. A. Pis'ma I. S. Shmeleva k A. B. Dermanu (1917–1919). K istorii literatury Belogo Kryma [I. S. Shmelev's Letters to A. B. Derman (1917–1919). To the History of Literature of White Crimea]. *I. S. Shmelev i russkaya literatura XX veka* [Ivan Shmelev and Russian Literature of the 20th Century]. Alushta, 1994, pp. 24–25.
 12. Sklemina S. M. "Neupivaemaya Chasha" I. S. Shmeleva: poetika zhanra i traditsii russkoy klassiki XIX veka: avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk [Ivan Shmelev's "The Inexhaustible Cup": Poetics of the Genre and Traditions of Russian Classics of the 19th Century. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Moscow, 2007. 20 p.
 13. Sklemina S. M. "Neupivaemaya Chasha" I. S. Shmeleva: poetika zhanra i traditsii russkoy klassiki XIX veka. Dis. ... kand. filolog. nauk [Ivan Shmelev's "The Inexhaustible Cup": Poetics of the Genre and Traditions of Russian Classics of the 19th century: PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 154 p.
 14. Sobolev N. I. Tema tvorchestva v povesti I. S. Shmeleva "Neupivaemaya Chasha" [Theme of Creative Work in Ivan Shmelev's short novel "The Inexhaustible Cup"]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005. Vol. 7: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reminisentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Issue 4, pp. 596–604.

15. Sobolev N. I. *Povest' I. S. Shmeleva «Neupivaemaya Chasha»: tvorcheskaya istoriya, poetika, tekst* [Ivan Shmelev's Short Novel "The Inexhaustible Cup": History of Creation, Poetics, Text]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 304 p.
16. Starygina N. N. Prirodnoe i sotsial'noe v strukture usadbnogo mira: (Turgenev – A. K. Tolstoy – Shmelev) [Natural and Social Components of the Estate World Structure (Turgenev – Aleksey K. Tolstoy – Shmelev)]. *Priroda i chelovek v khudozhestvennoy literature* [Nature and Man in Fiction Literature]. Volgograd, 2001, pp. 261–266.
17. Tayanova T. A. Motivy zreniya, videniya v prostranstvennoy modeli pozdnykh proizvedeniy I. S. Shmeleva [The Motifs of Visions in the Spatial Model of Ivan Shmelev's Late Works]. *Prostranstvo i vremya v khudozhestvennom proizvedenii* [Space and Time in Fiction Literature]. Orenburg, 2002, pp. 93–98.
18. Shmelev I. The Inexhaustible Cup. London, Toronto, New York: E. P. Dutton & Co, 1928. 147 p.